

10-20

95

## 10 КЛАСС

Время выполнения задания – 230 мин.

## 1. Аналитическое задание

Выберете один вариант задания – анализ поэтического ИЛИ прозаического текста.

**Вариант 1.** Выполните целостный анализ рассказа Ивана Алексеевича Бунина. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: своеобразие композиции произведения (какую роль играют в рассказе пейзаж, диалог, монолог рассказчика? Какие детали описания природы наиболее важны для раскрытия внутреннего состояния рассказчика и героев?); роль цитат из стихотворения А.А. Фета в повествовании; изменения в состоянии души героя-рассказчика и приемы, позволяющие писателю раскрыть это состояние. Подумайте над смыслом названия рассказа.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Максимальный балл за задание – 70.

И.А. Бунин

## ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

19/42. В июне того года он гостил у нас в имении – всегда считался у нас своим человеком: покойный отец его был другом и соседом моего отца. Пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда. Утром шестнадцатого привезли с почты газеты. Отец вышел из кабинета с московской вечерней газетой в руках в столовую, где он, мама и я еще сидели за чайным столом, и сказал:

– Ну, друзья мои, война! В Сараеве убит австрийский крон-принц. Это война!

На Петров день к нам съехалось много народу, – были именины отца, – и за обедом он был объявлен моим женихом. Но пятнадцатого июля Германия объявила России войну...

В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт (все тогда думали, что война кончится скоро, и свадьба наша была отложена до весны). И вот настал наш прощальный вечер. После ужина подали, по обыкновению, самовар, и, посмотрев на запотевшие от его пара окна, отец сказал:

– Удивительно ранняя и холодная осень!

Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства. С притворной простотой сказал отец и про осень. Я подошла к балконной двери и протерла стекло платком: в саду, на черном небе, ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды. Отец курил, откинувшись в кресло, рассеянно глядя на висевшую над столом жаркую лампу, мама, в очках, старательно зашивала под ее светом маленький

шелковый мешочек, — мы знали какой, — и это было и трогательно и жутко. Отец спросил:

— Так ты все-таки хочешь ехать утром, а не после завтрака?

— Да, если позволите, утром, — ответил он. — Очень грустно, но я еще не совсем распорядился по дому.

Отец легонько вздохнул:

— Ну, как хочешь, душа моя. Только в этом случае нам с мамой пора спать, мы непременно хотим проводить тебя завтра...

Мама встала и перекрестила будущего сына, он склонился к ее руке, потом к руке отца. Оставшись одни, мы еще немного побыли в столовой, — я вздумала раскладывать пасьянс, — он молча ходил из угла в угол, потом спросил:

— Хочешь пройдемся немного?

На душе у меня делалось все тяжелее, я безразлично отозвалась:

— Хорошо...

Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

— Капота нет, — сказала я, — а как дальше?

— Не помню. Кажется, так:

Смотри — меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстает...

— Какой пожар?

— Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. «Надень свою шаль и капот...» Времена наших дедушек и бабушек... Ах, Боже мой, Боже мой!

— Что ты?

— Ничего, милый друг. Все-таки грустно. Грустно и хорошо. Я очень, очень люблю тебя...

Одевшись, мы прошли через столовую на балкон, сошли в сад. Сперва было так темно, что я держалась за его рукав. Потом стали обозначаться в светлеющем небе черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами. Он, приостановясь, обернулся к дому:

— Посмотри, как совсем особенно, по-осеннему светят окна дома. Буду жив, вечно буду помнить этот вечер...

Я посмотрела, и он обнял меня в моей швейцарской накидке. Я отвела от лица пуховый платок, слегка отклонила голову, чтобы он поцеловал меня. Поцеловав, он посмотрел мне в лицо.

— Как блестят глаза, — сказал он. — Тебе не холодно? Воздух совсем зимний. Если меня убьют, ты все-таки не сразу забудешь меня?

Я подумала: «А вдруг правда убьют? и неужели я все-таки забуду его в какой-то срок — ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли:

— Не говори так! Я не переживу твоей смерти!

Он, помолчав, медленно выговорил:

— Ну что ж, если убьют, буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне.

Я горько заплакала...

Утром он уехал. Мама надела ему на шею тот роковой мешочек, что зашивала вечером, — в нем был золотой образок, который носили на войне ее отец и дед, — и мы все перекрестили его с каким-то порывистым отчаянием. Глядя ему вслед, постояли на крыльце в том оцепении, которое всегда бывает, когда проводишь когда-нибудь на долгую разлуку, чувствуя только удивительную несовместимость между нами и окружавшим нас радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром. Постояв, вошли в опустевший дом. Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и зарыдать ли мне или запеть в голос...

Убили его! — какое странное слово! — через месяц, в Галиции. И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, не постижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым. Весной восемнадцатого года, когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговли на Смоленском рынке, которая все издевалась надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?» Я тоже занималась торговлей, продавала, как многие продавали тогда, солдатам в напехах и расстегнутых шинелях кое-что из оставшегося у меня, — то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молю, и вот тут, торгуя на углу Арбата и рынка, встретила человека редкой, прекрасной души, пожилого военного в отставке, за которого вскоре вышла замуж и с которым уехала в апреле в Екатеринодар. Ехали мы туда с ним и его племянником, мальчиком лет семнадцати, тоже пробиравшимся к добровольцам, чуть не две недели, — я бабой, в лаптях, он в истертом казачьем зипуне, с отпущенной черной с проседью бородой, — пробыли на Дону и на Кубани больше двух лет. Зимой, в ураган, отплыли с несметной толпой прочих беженцев из Новороссийска в Турцию, и на пути, в море, муж мой умер в тифу. Близких у меня осталось после того на всем свете только трое: племянник мужа, его молоденькая жена и их девочка, ребенок семи месяцев. Но и племянник с женой уплыли через некоторое время в Крым, к Врангелю, оставив ребенка на моих руках. Там они и пропали без вести. А я еще долго жила в Константинополе, зарабатывая на себя и на девочку очень тяжелым черным трудом. Потом, как многие, где только не скиталась я с ней! Болгария, Сербия, Чехия, Бельгия, Париж, Ницца... Девочка давно выросла, осталась в Париже, стала совсем француженкой, очень миленькой и совершенно равнодушной ко мне, служила в шоколадном магазине возле Мадлен, холеными ручками с серебряными ноготками завертывала коробки в атласную бумагу и завязывала их золотыми шнурочками; а я жила и все еще живу в Ницце чем Бог пошлет... Была я в Ницце первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!

Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу ее. Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни, — остальное ненужный сон. И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня — с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...» Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду.

3 мая 1944

И. А. Бунин казался мне рассказчиком, последние вечера не случайно. Герои рассказов рассказывали, когда писатель казался героине, умирал на фоне. Для него эта роль была самой прекрасной: он писал, но писал и только он, погибал и казался героине. Тогда подтверждал свои чувства, обращая к героине прощальными, анализируя их.

Главная героиня является рассказчиком, и именно ее ее жизнь вечно переживает. Герой ее — диалог, мимика и жесты, которые ее окружают, автор раскрывает своеобразные моменты произведения. Героине повествует мало, ее рассказы короткие, буржуазные. Она думала о том, что ее любимые действительно мрут, что, что она ее забудет после смерти, но тут же все эти мысли прервала, сказав, что не забудет, не переживет. Это шло ей. Но она переживала. После его смерти она искалась по разным людям, каждая мучилась, но в конце концов она и теперь была с ним, с ребенком. На все ее приключения после смерти буржуазного мимического повествования, но сравнения с комедией. В конце. В итоге, что автор среднего уровня, в том образе такой огромной прощальной, тогда казалось, что для героя жизни доказательство после смерти мимика, что герой все больше и больше, было так.

Окружающие, когда рассказывалось внутреннее состояние героя и рассказчика. Последний вечер вся жизнь вместе скармливалась темным, тихим и спокойным, мимика. Везде слышалось движение. Каждый из этих рассказчиков так скрывал свои истинные чувства и мысли, прощались предвещая свои последние дни. Как я думаю, герои, жившие таким образом, ищущие своего друга, который на собственном примере показал себе и учился до смерти. Вечером, живя в саду, держась своего буржуазного лагуна, и темные.

пейзанс лачкаст светлост, објужајућоме сунце, небо светлост, и в  
ном блеск звједк. Е сунца, тоо менх дие героини бле руже  
-блуд звједк, которая помогала еѣ не заблудити, не потеряться.  
но вскоре мир девушки лачкаст светлост, и она окунается в  
подвале московского рынка, это, как е сунца, е сунца и сунца  
точкой еѣ сунца, в тоо прѣод свой путь у не-не  
лично.

Таким образом, автор дѣлѣм и сунца рачкаст светлост  
сунца сунца сунца, которая сунца в сунца сунца  
сунца сунца да сунца. Сунца сунца сунца сунца в  
сунца сунца к сунца, к и сунца.

30-15-10-8-4

(67)

**Вариант 2.** Выполните целостный анализ стихотворения Владимира Владимировича Набокова. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: визуальный ряд стихотворения, предметная детализация, поэтические фигуры и их функция в создании художественного пространства и времени и передаче внутреннего состояния лирического героя. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**В.В. Набоков**

Глаза прикрою – и мгновенно,  
весь легкий, звонкий весь, стою  
опять в гостиной незабвенной,  
в усадьбе, у себя, в раю.

И вот из зеркала косо  
под лепетанье хрусталей  
глядят фарфоровые совы –  
пенаты юности моей.

И вот, над полками, гортензий  
легчайшая голубизна,  
и солнца луч, как Божий вензель,  
на венском стуле, у окна.

По потолку гудит досада  
двух заплутавшихся шмелей,  
и веет свежестью из сада,  
из глубины густых аллей,

неизъяснимой веет смесью  
еловой, липовой, грибной:  
там, по сырому пестролесью, –  
свист, щебетанье, гам цветной!

А дальше – сон речных извилин  
и сенокоса тонкий мед.  
Стой, стой, виденье! Но бессилён  
мой детский возглас. Жизнь идет,

с размаху небеса ломая,  
идет... ах, если бы навек  
остаться там, не разжимая  
росистых и блаженных век!

3 февраля 1923

18-20

## 2. Творческое задание

Представьте, что вам предложили принять участие в дискуссии по проблеме «маленького человека» в русской литературе. Исходным тезисом для такой дискуссии может стать суждение о повести Н.В. Гоголя «Шинель» героя романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина, бедного чиновника, высказанное им в письме к знакомой, Вареньке Новосёловой. Макар Девушкин считает это произведение «пашквилем», поскольку оно унижает и оскорбляет достоинство человека:

«И для чего ж такое писать? И для чего оно нужно?.. Да ведь это злонамеренная книжка, Варенька; это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник. Нет, я буду жаловаться, Варенька, формально жаловаться».

Согласны ли вы с подобным утверждением? Свой ответ аргументируйте. Запишите свое выступление для дискуссии, дайте ему интересное заглавие.

Максимальный балл за задание – 30.

Бывает ли такое люди?

Я не знаком с изображением героя романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина в повести Н.В. Гоголя «Шинель».

Я считаю, что такое, конечно, в жизни бывает. Такое могут прожить, то такие люди, как Антон Антонович, существовал и будет существовать всегда. Этого человека можно назвать «маленьким человеком», да потому что он не имеет, чтобы не сказать в обществе, потому что он сам не имеет никакого влияния, а потому, если вы сами «маленькие люди» не забывайте себе, то вы не знаете о том, что вы можете быть такими же, как и я. Макар Девушкин пишет, что «маленькие люди» не обращают на себя внимания, когда общаются, то они есть.

Макар Девушкин считает, что человек должен быть готовым к тому, что, как и сейчас, когда Васильев и Золотой разбираются в «маленьком человеке» не для того, чтобы увидеть человека, а для того, чтобы такие люди остались в тени, разрываясь, разрываясь то, с ним ни что-либо не имеет. Я не считаю, что произведение Гоголя унижает достоинство человека, оно лишь показывает реальность, которую каждый из нас знает по-своему.

5-8-10-5

28